

Откуда появилось это название, старожилы не помнят. Припоминают, что на этом месте располагался лагерь немецких геологов и рабочих открытого неподалеку рудника, где стали добывать белую глину еще в дореволюционное время. Выбор поселка был не случаен, поскольку располагался он в устье огромного оврага, прозванного в народе Гремячим Логом, протянувшегося на многие километры и обнажившего залегающие здесь пласты горных пород. Гремячим его прозвали потому, что весной талые воды с грохотом и оглушительным шумом неслись между огромных каменных глыб, вырытых, как нам объясняли на уроке географии еще ледником в ледниковый период. Если сюда добавлялась вода из прудов, находящихся в верховьях оврага, после прорыва плотин, то зрелище было потрясающим. Маленький ручеек, вытекающий из Гремячего Лога, который питали родники, превращался в огромную реку, которая с корнем выворачивала деревья, ломала льдины и лишь один тальник прогибался, а после паводка вновь поднимался вверх, расцветая пушистыми комочками на вновь оживших побегах.

Первые рудники были открыты как на правом низком берегу, так и на высоком левом. Но если на правом берегу рудник быстро закрылся, то на левом разработки продолжались почти до наших дней. Рядом с рудником на левом берегу располагалась барская усадьба с красивым парком, боль-

шим плодовым садом, посреди которого был маленький домик садовника. В конце парка был большой барский дом, сложенный из красного кирпича и покрытый железом. На краю сада, буквально над обрывом, располагалась кузница, а чуть в стороне — хозяйственные постройки. Кто был хозяином усадьбы, к сожалению, пока выяснить не удалось. Единственно известно, что незадолго до революции барин продал усадьбу местному богаче, которого за нелюдимый характер прозвали Бирюком. Бирюку недолго пришлось владеть усадьбой. Грянувшая революция смела владельцев усадьбы, которую государство национализировало, и на ее месте появился поселок под неофициальным названием Бирюк (официально он назывался Первомайским), по-видимому, в память о последнем владельце усадьбы. В этом поселке стали жить рабочие вновь открытого рудника. Старые же рудники превратились в озера.

Экономика страны после революции требовала развития, но средств не хватало, поэтому приходилось сдавать недра в концессию иностранным компаниям, и некоторое время добыча здесь велась совместно с иностранцами. В работе в основном преобладал ручной труд. Верхний слой до песчаника вывозили на вагонетках с помощью лошадей. Песчаник взрывали, а далее дробили на более мелкие куски и вывозили вместе с песком на тех же вагонетках на специальные свалки. Зачищенный слой глины били специ-

альными ломами-лопатами. Это была очень тяжелая работа, под силу только физически крепким мужчинам. Куски глины, которые падали к подножию слоя, подбирались грабарами. Так назывались рабочие, которые грузили глину на грабарки. Это такие трапецевидные короба, крепившиеся на повозках с лошадьми, на которых глина вывозилась грабарями на станцию Латная.

Такая технология добычи глины применялась после революции и даже в начале послевоенного времени, пока восстанавливалась разрушенная войной промышленность. Но уже в начале пятидесятых годов появились первые экскаваторы. Ярко-красный «Ковровец» для нас, мальчишек, был настоящим чудом. Вместо грабарей появились машины. Теперешним мальчишкам и девчонкам невозможно и представить, что тогда даже обычные репродукторы и примитивные приемники были верхом технического прогресса.

Особой популярностью пользовалось кино. Залы вечером по субботам были набиты битком. После войны была шестидневная рабочая неделя, так что как раз субботний вечер был свободен для досуга. В то время очень популярны были военные фильмы и американский сериал про Тарзана и про индейцев. Не хватало детсадов, почти не было пионерлагерей. Все это появилось позднее. А мы, дети войны, жили еще неостывшими военными событиями. На территории нашей Валхонки и около нее немцы обустроили военные склады, в основном с боеприпасами. При стремительном наступлении Советской Армии они так быстро убежали, что второпях не смогли все взорвать, и в результате большая часть неразорвавшихся боеприпасов была разбросана на большой территории. Боеприпасы притягивали нас, как магнит, и это было настоящим злом. Сколько погибло, сколько осталось искалеченных мальчишек от этих боеприпасов! Однажды мы стащили мины, снаряды, патроны и другие взрывоопасные предметы в большую кучу в поле возле старого стога соломы. Обложили гору боеприпасов соломой, из соломы сделали дорожку в соседний овраг, где все и спрятались. Подождгли соломенную дорожку. Прогремел взрыв такой силы, что в поселке в некоторых домах выбило стекла. Вечером в поселке стояли

крики и вопли. Родители поролли ремнями всех подряд. Тем не менее, интерес был сильнее страха, так что и после такой серьезной воспитательной работы охота за боеприпасами, особенно за порохом, продолжалась.

Пищу тоже добывали, где только можно, поскольку время было голодное. Летом собирали ягоды, грибы, какие-то съедобные растения, но самая весомая прибавка к рациону — это ловля рыбы. Поймаешь десятка три-четыре пескарей и плотвичек, поджаришь их на постном масле, а потом отрежешь краюху черного хлеба, польешь ее тем же маслом, посыплешь солью да еще и дикого чеснока нарвешь — вот настоящий пир! Особенно если сам его и приготовил. Родители целый день на работе, а мы, исполним родительские задания, были предоставлены сами себе и окружающей нас природе. Речка, озера, овраги, ручей, где ловили юрких вьюнов — вот ареал нашей любознательной деятельности в любое время года. Причем каждое время года интересно своими красотами и неповторимостью. Зимой — лыжи и хоккейные баталии на замерзших озерах. Весной — Гремячий Лог и водопад возле одного из озер, в котором катались на льдинах. Осенью самым интересным была игра в индейцев, когда из сухого камыша строили вигвамы и в финальной стадии поджигали их. В связи с этим вспоминается один эпизод из жизни наших валхоновских индейцев. Как говорит пословица: в семье не без урода. В нашу дружную мальчишескую компанию все время пытался вторгнуться великовозрастный балбес по кличке Мамоня. Он был старше нас года на четыре и постоянно пытался доказать свое физическое превосходство не только над нами, но и над малышами, находя в этом какое-то садистское удовольствие. И однажды наше терпение лопнуло. На время финальной стадии сжигания вигвамов собиралась вся мальчишеская рать. Разумеется, и Мамоня был тут же. И вот мы одновременно бросились на Мамоню, повалили его и начали тащить к кострам, крича: «Поджарим Мамоню, поджарим Мамоню!..» Он был сильный, сопротивлялся, но нас было много и мы шаг за шагом приближались к огню. И вот когда жар костра был уже ощутим, он сломался — заплакал и умолял нас отпустить, обе-

жая, что никогда никого не обидит. Подержав его пару минут возле костра, мы послабили хватку. Как он бежал! Как бежал!..

Так протекала наша мальчишеская жизнь. Вскоре рудник подобрался к поселку Бирюк. Сказалась работа новой техники, экскаваторов, машин, заменивших ручной труд. Барская усадьба была разрушена, а весь поселок переселился в Валхоновку, но старое название тоже сохранилось. Одни называли поселок Валхоновкой, другие — Бирюком и все были довольны. Вообще весь поселок насчитывал не более двух десятков домов и строений. Один двухэтажный дом, где в маленьких комнатках с печным отоплением жили целые семьи. Никаких кухонь, ванн, туалетов не было. Туалет на улице. Вместо кухни керосинка или керогаз возле комнаты в коридоре, а вместо ванной — корыто, в котором мылись по очереди и старые и малые. За водой приходилось ходить к роднику. Получше жили в одноэтажных бараках, где некоторые большие семьи занимали по две комнаты и довольно большие коридоры, но в остальном удобства были те же. Самым комфортабельным жильем были финские домики, полученные от Финляндии по условиям мирного договора. В них были две комнаты, кухня и большая ванная с титаном. Он топился углем и только раз в неделю, а воду на подогрев носили те семьи, чья очередь была мыться. Жили все дружно, открыто, я не помню, чтобы были замки на дверях. По субботам в летнее время расстилали общий стол, пели песни под гитары и гармонiku. Так отмечалась прошедшая трудовая неделя.

Страна постепенно отходила от войны, возрождалась. Все больше и больше требовался огнеупорный кирпич. Глина, песок, бутовый камень (песчаник) использовались в строительной индустрии. Поэтому восстанавливались старые рудники и открывались новые. На базе рудников возникали поселки. На базе Бахчевского рудника — поселок Бахчево, у рудника Орлов Лог — поселок Орлов Лог. Наиболее крупным был поселок Стрелица, куда в конце концов перенесли единую администрацию, объединившую все рудники, кроме Валхоновского (Бирюковского). Это произошло потому, что единую Стрелицкую администрацию, получившую название «Горное управление», от-

несли к Министерству горно-металлургической промышленности. А рудник Валхоновский (Первомайский) — к Министерству фарфоро-фаянсовой промышленности. Отсюда разница в зарплатах и материально-техническом обеспечении. Начался отток рабочей силы. Потом министерские чиновники все же приняли правильное решение. Валхоновский (Первомайский) рудник присоединили к Бахчевскому, а фарфоро-фаянсовой промышленности стали отгружать сырье по их заявкам. В основном глина поставлялась на Дулевский фарфоро-фаянсовый завод. С этого момента началось и угасание Валхоновки. Теперь это просто улица Первомайская на границе между Семилукским и Хохольским районами.

В послевоенное время в школу мы ходили в поселок Бахчево, в то время она была семилетней. Преподавательский состав школы, которым руководил Александр Васильевич Федоров, был небольшой. Александр Васильевич со своим трофейным аккордеоном не только преподавал нам пение, но и был организатором художественной самодеятельности. Жили они со своей женой Прасковией Иосифовной, которая преподавала в младших классах, здесь же, при школе, в маленькой квартирке. Моей первой учительницей была Нина Васильевна Мишурова. Хотя она учила два класса одновременно, но старалась вложить в нас максимум знаний.

Особо вспоминается еще один учитель, которого мы любили и очень уважали. В памяти стерлось его имя, но образ остался. Он был строгий и в то же время по-отчески добрый. Преподавал он географию, ботанику, труд, физкультуру, учил нас бережному отношению к природе. С ним мы посадили большой сад возле школы и ухаживали за ним. Судьба у него была трудная. Во время войны он был летчиком-штурмовиком, летал на знаменитых Ил-2, которых немцы прозвали «черной смертью». Во время одного из вылетов его самолет был подбит. Он сумел выбраться из горящей машины, но приземлился на парашюте на территории, занятой немцами. Тяжело раненного, его взяли в плен. Он выжил и был освобожден советскими войсками. После определенных фильтрационных проверок, поскольку он ничем не запятнал свою честь, его отправили

ли домой, но отметка в личном деле — «был в плену» — отравляла ему всю жизнь...

В поселке в основном были две группы подростков. Одна — это те, кто родился до войны, и вторая — послевоенные дети. Поэтому в начальных классах мы учились по два класса в одном помещении одновременно: первый и третий и второй и четвертый. Ребята постарше сидели за одной партой с младшими одноклассниками. Старшие, пережившие немецкую оккупацию, рассказывали нам, как, чтобы не умереть с голоду, они ходили к немецким кухням. И повар за то, что они мыли посуду, наливал им по котелку супа или каши. Они несли эти котелки домой, чтобы накормить младших братьев и сестренку. Но это было в том случае, если повар находился в хорошем настроении. А бывало и так, что вместо котелка с супом или кашей они получали пинок под зад. Старшие ребята, окончив семилетку, уезжали в основном в город Воронеж, чтобы поступить в ФЗУ или ремесленное училище. Там они были на полном государственном обеспечении, получали профессию и среднее образование, для их матерей это было большим облегчением, ведь у большинства отцы погибли на фронте.

Так уж сложилось, что многие из моих земляков работать стали на Воронежском авиационном заводе. Виктор Пономарев стал высококлассным сборщиком. Анатолий Мишуков работал в кузнечном цехе. Владимир Ласкин — в термическом цехе. Анатолий Гапонов, самый талантливый из нас, стал работать в счетно-вычислительном комплексе. Его стихи печатали в заводской многоти-

ражке. Параллельно он учился в Воронежском государственном университете на филологическом факультете, готовил сборник своих стихов. Последний раз я встретился с моими земляками в конце восьмидесятых годов, когда попал на завод в командировку. Я работал и бывал на многих заводах, но на авиационный завод попал впервые. И был поражен громадой заводских корпусов и всей территории, по которой надо было передвигаться на автобусе. С разрешения руководства мне организовали небольшую экскурсию по заводу. В огромном сборочном цехе я застал на стапелях легендарный сверхзвуковой самолет Ту-144. Довелось увидеть и наши отечественные азробусы Ил-86 и Ил-96. Прекрасные самолеты, в то время по надежности лучшие в мире.

Некоторых из моих валхоновских сверстников можно было встретить в разных концах страны. Владимир Ломакин ходил на первом в мире атомном ледоколе «Ленин». Юрий Осадчий, Лариса Казакова строили БАМ. Валентин Гапонов осваивал целинные земли... И все трудились добросовестно, жили честно. К сожалению, некоторых уже нет в живых. Но добрая память о них живет. Помним мы и о наших героических отцах и дедах, отстаивавших независимость нашей Родины. Акция «Бессмертный полк» показала, что светлая память о людях, отдавших жизни за свою Родину, передается из поколения в поколение, наполняя сердца сыновней гордостью. Живет память и о крошечном поселке Валхоновка. Таких на просторах нашей необъятной Родины огромное количество, но наша — одна.

